

Борис

Молчаев

доктор филологических наук,
Евразийская юридическая академия
им. Д. А. Кунаева

ТРАДИЦИИ ДАСТАНОВ В ЛИТЕРАТУРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

По мере раздвижения жанровых границ современного исторического повествования в литературе Центральной Азии все более совершенствуется опыт использования традиционных устно-поэтических художественных средств (в частности, опыта дастанной восточной литературы). Надо сказать, что переход от бытоописательного романа фольклорно-легендарного типа к роману реалистическому не завершился в литературах Казахстана и Средней Азии до настоящего времени, и, хотя здесь ведущим стал ныне роман нового типа, роман реалистический, «переходные» произведения, подобные роману-дастану, в историческом жанре появляются до сих пор, придавая национальной литературе особый «восточный колорит».

Пример тому – роман «Женщины» киргизского писателя Т. Садыкбекова, где обнаруживают себя как бы два плана изображения прошлого – фольклорный, легендарно-дастанный и реалистический. Только фольклорный план проявляется не столько в «сказовости» повествования, насыщении его легендами, сказками и песнями, как это было характерно для раннего этапа развития национальной художественности, сколько в обрисовке героев, их идеализации, в самой манере изложения и структуре повествования.

Порой эти два плана легко вычленяются как самостоятельные, порой переплетаются между собой, создавая особый стиль повествования, свидетельствующий о национальном своеобразии художественного мышления автора.

Строит свое произведение Т. Сыдыкбеков в русле традиций восточной художественности, используя широко распространенную «ящечную» композицию – на основе рассказывания героинями историй своей жизни, в которые включаются рассказы других персонажей, в манере неторопливого, обстоятельного, детализированного бытоописательного повествования.

На первый план в начале романа выдвигается описание среды, формирующей человека. Отсюда – излишняя пространность, потенциально и чрезмерно используемая возможность включения нового материала, и это обуславливает не только увлечение автора детализированным освещением так называемого «местного колорита» – ритуалов, свадебных игр, обрядов и т. д. Герои романа «Женщины» как бы связаны между собой естественным течением самой жизни, быт в первой

книге романа осмысливается писателем как исторический поток, в котором люди черпают мотивы своих действий и поступков.

В то же время в произведении Т. Сыдыкбекова ощутимо стремление писателя социальное, духовное раскрепощение народа воссоздать многогранно, с разных точек обзора. Этому, в частности, способствует композиция параллельных сюжетов, широко используемая в наши дни в исторической романистике. Роман «Женщины» Т. Сыдыкбекова, как это свойственно и дастану, многосюжетен – здесь представлены в развитии несколько линий повествования, связанных с описанием (причем описанием реалистически-достоверным) судеб различных персонажей, что обнаруживается даже в названии произведения.

Своеобразие романа Т. Сыдыкбекова во многом как раз и определяется сплавом фольклорных и реалистических средств изображения человека и истории, документализации и вымысла, эпизма и бытовой детализации, описательности и психологизма, что свидетельствует о тяготении киргизского писателя к реалистическому роману-синтезу.

Усложнение реалистической палитры Т. Сыдыкбекова в романе «Женщины» особенно наглядно сказывается в обрисовке характеров героев, и прежде всего, образа Батыйны, одного из центральных персонажей произведения.

Описывая жизнь Батыйны, автор все время соотносит показ процессов развития ее сознания с изображением исторически развивающейся действительности. Батыйна показана в романе уже не как легендарная, необыкновенная личность, но как человек со своими достоинствами и недостатками, переживший несколько этапов духовного роста, связанных с переломными моментами в движении хода истории. Осмысливая свою юность, всю прожитую жизнь с высоты собственного и в то же время исторического народного опыта, осознавая ныне историческую значимость пережитого, Батыйна ведет отсчет того нового, что определяет ее современное сознание, с тех далеких дней, когда чувства ее были подавлены, когда она еще не ощущала себя человеком. «Откровенно скажу, – признается Батыйна, – погасни вдруг во мне фитилек жизни, пожалуй, не о чем было бы тужить». Т. Сыдыкбеков показывает как по мере подключения к историческому развитию жизни, Батыйна начинает ощущать потребность разобраться в законах общественных отношений, задумывается о своем месте в действительности. «Нет свободы и на путях шариата. Но я не устану ее искать», – к такому выводу приходит героиня.

Просьпающее в Батыйне сознание своей человеческой значимости («Раз уж я создана человеком, то у меня будет своя судьба. Я ее сама поверну») проявляется вначале в поступках, во внешних действиях. Отстаивая свою честь, она вступает в спор с волостным управителем, охраняя аульных коней, расправляется с вором Джарбаном. Но и автор, и сама Батыйна осознают недостаточность этой мнимой свободы для личности: «Если я, как джигит, сижу в седле и езжу по аилам, значит, я свободна? Ничуть», – приходит она к мысли, свидетельствующей о происшедших в ее сознании сдвигах. Постепенно, по мере все более углубленного осмысления Батыйной окружающей действительности, происходит вызревание в ее характере ростков нового сознания.

Первая часть книги – «Батыйна» написана в стиле традиционного для Центрального Казахстана «бытоописательного романа» во многом с опорой на дастанный опыт. Судьба героини изображается на фоне и в связи со мно-

жеством событий, важных, в первую очередь, для судьбы героини, каждое из которых с какой-либо стороны характеризует состояние самой описываемой действительности, причем конфликтные узлы повествования локализуются в рамках жизнедеятельности одного аила. В этой части романа автор изображает изменения в психологии и сознании героини как отраженное влияние быта киргизского народа в описываемое время (с его родовыми распрями, социальной несправедливостью, косными обычаями) на судьбу рядовой женщины. Первая часть повествования (от расставания с любимым Абылом до событий предреволюционных дней – встречи с Абылом) включает в себя такой аспект изображения прошлого, при котором выявляется отраженное влияние истории на сознание героини.

Во второй части романа («Перевал») показывается уже не столько влияние событий на человека, сколько изменение действительности героиней, сформировавшейся как личность, сознательно и целенаправленно воздействующей на ход истории. Выход героини на простор «большой истории», приобщение к историческому творчеству осмысливается как «перевал» в личной судьбе Батыны, да и всего народа. В этой части романа уже не бытовое, а социальное начало воссоздается как определяющий фактор воздействия на внутренний мир героини.

Как это характерно для киргизской, казахской, как, собственно, и для всей исторической прозы региона, решая проблему реалистически достоверного изображения человека и истории прошлого, Т. Сыдыкбеков поднимает национально-специфические вопросы, касающиеся сложных процессов «переделки» психологии человека, отказывающегося от патриархальных и родовых предрассудков, в личность духовно растущую в процессе поиска «правды жизни», по мере осознания ею себя и окружающего бытия.

Но раскрыть всесторонне эти процессы Т. Сыдыкбеков не смог, ибо в романе «Женщины» он отдает еще значительную дань традиционному фольклорному мышлению, не сумев глубоко проникнуть в психологию человека. И хотя убедительно высветить психологию личности в переломный для народа момент истории Т. Сыдыкбекову не удалось, концепция человека в его соотношении с историей раскрывается автором реалистически – в обрисовке тесных взаимосвязей социально-определенного национального характера с реальными историческими обстоятельствами, изменяющимися в ходе истории социальными основами жизни, в которой раба по убеждениям начинает осознавать себя полноправным членом общества. Стремление избежать односторонней бытоописательности, тяга к синтезу, преобладание реалистической концепции человека над тенденциями фольклорной идеализации личности определяют художественные достоинства этого произведения.

Наряду с развитием различных форм традиционного фольклорно-легендарного романа и в более близкое к нам время – романа о прошлом «переходного» от фольклорно-легендарного к социальному бытоописательному, не легко и не просто утверждался в литературе Казахстана и Средней Азии и тип реалистического бытоописательного исторического романа. Формирование различных жанровых разновидностей романа подобного типа происходит в регионе Центральной Азии в последние десятилетия.

Если в одних крупных произведениях исторического жанра в литературе этого региона продолжает разрабатываться, и не всегда безуспешно, фольклорная

поэтизация быта и нравов родного народа, его историческое бытие, а в других намечается отступление от канонов фольклорно-легендарного повествования в сторону социологизации, усиления психологизма и исторической детерминированности характеров (и эти процессы, наметившиеся в 20–30-е годы XX века, не завершены и сегодня), то в целом ряде исторических бытоописательных романов сугубо реалистического направления сегодня фольклорная поэтика отодвигается на второй план.

Так, например, в романе «Улпан – ее имя» казахского писателя Г. Мусрепова используются, как это характерно для многих произведений художников, слова региона, приемы восточной художественности, заимствованные из народных легенд и дастанов. Как и в романах «Ахан-серэ» С. Жунусова или «Гроза» А. Абишева, завязка романа Г. Мусрепова необычна, но традиционна для фольклора. Один из главных героев повествования – Есеней-бай в поисках места для зимовки скота встречается в степи с юношей, смело вступившим в спор со знатным батыром. По ходу повествования выясняется, что этот юноша – переодетая в мужскую одежду девушка – Улпан, дочь батыра Артыкбая, на чьи земли незаконно вторгся со своими аулами Есеней. Впоследствии Есеней (как это характерно для финала дастанного повествования), полюбив смелую девушку, женится на ней. Но там, где дастан завершается, – романное реалистическое повествование Г. Мусрепова только начинается: с того момента, как в центр повествования выдвигается образ неординарной женщины Улпан, оно раздвигается далеко за границы «легендарной» истории и все больше приобретает романную реалистическую форму.

Обращение писателей к судьбе женщины можно считать одной из своеобразных черт реалистического исторического бытоописательного романа в литературе Востока. И это вполне объяснимо, поскольку на примере женской судьбы в русле реалистически достоверного повествования возможно воссоздание положения народа в целом в условиях феодального общества.

Роман Г. Мусрепова представляет собой развернутое бытоописательное реалистически-достоверное полотно, детализировано воскрешающее жизнь степняков в конце XIX – начале XX века – в то время, когда, по замечанию автора, казахские «племена переходят к оседлости». На фоне реально имевших место исторических событий описываемой эпохи (а обращение к ним обязательно для реалистического бытоописательного романа – и это в романе, в первую очередь, события, связанные с движением хана Кенесары Касымова) осмысливается историческая судьба родов сибанов и керей-уаков, а на их примере – всего казахского народа. Воссоздавая сложившийся веками уклад жизни казахов, автор показывает, как на стыке веков проникают в степь исторически новые идеи и нравы и меняется не только уклад быта кочевников, но и их мировоззрение. Картина быта степняков в ее диахроническом аспекте (то есть до начала бурного процесса трансформации жизни) складывается в романе по способу мозаики: из описания отдельных сцен жизни казахов (убранства жилищ, одежды, особенностей приготовления пищи, предметов кочевого обихода); воссоздания специфических особенностей трудовой и общественно-полезной деятельности (поиск мест для зимовки скота, перекочевков, установки юрт-жилищ, совет биев); времяпровождения (охота на диких животных, прослушивание кюев, празднества по поводу сватовства, свадьбы, тои, поминки, спортивные состязания); степных обычаев и обрядов (выплата аппака –

платы за нанесенную обиду, калыма – платы за невесту, барымты – за угон скота) и т. д. Эта сложившаяся жизнь по законам старины, по обычаю была неизменна в веках, но как показывает писатель, на пороге XX века ее уклад стал меняться. Вначале единицы, как дочь батыра Артыкбая, Улпан, затем аулы и племена и, наконец, народ в целом приходит к осознанию необходимости перемен.

Вот этот процесс постепенного изменения быта и мировоззрения кочевников и становится главным объектом внимания автора романа «Улпан – ее имя» о женщине, по словам писателя, «незаурядной, щедрой души», которая «старается облегчить жизнь простого народа, перенимает и внедряет у себя все лучшее, что видит у других». Писатель ставит целью проследить, как в душе девушки, воспитанной в семье вопреки обычаям, в духе вольнолюбия, вызревает желание изменить жизнь соплеменников. Путешествуя вместе с мужем по ярмаркам, познакомившись с жизнью русских переселенцев, горожан, она приходит к мысли о необходимости «нововведений» в хозяйстве, обычаях и судьбе родного народа. Постепенно Улпан пытается менять уклад в быту семьи (продав косяк лошадей, например, приобретает тарантас), а затем муж ее, убедившись в уме и смекалке жены, отдает ей в руки бразды правления подвластными ему племенами сибанов и керей-уаков: «Можешь всю власть брать в свои руки».

Дела и поступки Улпан идут вразрез с обычаями и нравами степняков: «О ней заговорили, – пишет автор, – о ее уме, о влиянии на дела. И что не менее важно, она сама узнала, что может быть другой, а не просто аульной девчонкой». Показывая, как постепенно формируется в душе героини чувство собственного достоинства, писатель одновременно прослеживает рост ее влияния в семье Есенея, затем в его родовом ауле, а затем – во всем племени сибанов, и в конечном итоге – в казахской степи. Этому, в изображении автора, способствует деятельность Улпан, направленная, в первую очередь, против косных обычаев старины, мешающих жить по-новому, и, в частности, против тех из них, что веками поддерживали ограничение прав женщины. И Улпан вступает в борьбу с ними: если раньше молодоженов встречали с «ширмой», за которой скрытая от глаз людей молодая жена должна была войти в дом мужа, то Улпан требует убрать ширму; против обычая она садит женщин в юрте на почетные места, называет вслух имена старших мужчин, что запрещено и т. д. Следующие шаги Улпан, убедившись в том, что ее нововведения принимаются, хотя с опаской, аульчанами, предпринимает по изменению их быта.

Делом она пытается доказать правомерность этих нововведений: строит в ауле дом, баню, убеждает аульчан следовать ее примеру: «Давайте попробуем жить, как живут другие люди».

Богатеям, как показывает писатель, не по душе действия Улпан, ибо они ведут к слому устоявшихся порядков, при которых хозяева жизни безгранично распорядились судьбами бедняков, властвуя в степи. Представители «белой кости» постоянно чинят ей препятствия – они сжигают ее дом, а впоследствии (после смерти ее мужа) стараются свести на нет все, что было сделано Улпан. Бедняки же, хотя и не сразу, понимают, что Улпан, прежде всего, заботится об облегчении их жизни. Вначале немногие из них, как, например, Асреп и Мусреп, а затем и все остальные «оседают» на земле, сеют пшеницу, заготавливают на зиму сено, строят дома. По мере осознания правоты Улпан и изменения собственного быта они все больше осознают и свое человеческое достоинство, свое право жить

по-новому – таков результат новаторской деятельности Улпан, которая способствовала изменению не только быта, но и сознания народа.

Народ, те же «бедняки-сибаны», принявшие правду Улпан и осознавшие свое право строить жизнь не по обычаю старины, а исходя из собственных интересов, после смерти Есенея, когда брат его Аманали попытался подчинить Улпан своей воле, становятся на ее сторону, защищая Улпан и то новое, что принесла она в их аул.

Так в границах реалистического бытоописательного романа поднимаются и художественно убедительно решаются сложные общественные проблемы, когда интерес к изменению быта народа перерастает в интерес к процессам роста социального, национального самосознания масс. Роман «Улпан – ее имя» Г. Мусрепова свидетельствует о больших возможностях бытоописательного повествования в раскрытии правды жизни.

Таким образом, художественные средства фольклора в романе Г. Мусрепова, как и в произведениях иных писателей Центральной Азии, трансформируются, приспособляются для выражения нового реалистического содержания искусства слова, способствуют его национальному самоопределению.

